

Как-то раз явилось мне —
Может, было всё во сне, —
То ли сказкой это было,
То ль с гнилой водою плыло,
Может, с горького похмелья,
Может, с буйного веселья, —
Не берусь я утверждать,
Явно так — ни дать ни взять!
В красках, в лицах и в деталях,
В чётких контурах предстали —
Не картинами Дали,
А реальными, вблизи:
Люди, звери, персонажи,
И один политик даже
Ублажал электорат.
В сказки верить всякий рад!
Навострили в стойке уши —
Обещания послушать:

Старики и детвора,
Куры с крытого двора,
Утки, бабы, поросята,
На заклание ягнята,
Беспризорный пёс Барбос —
Всё мечтал задать вопрос,
Внучка с города большого,
Даже стельная корова
Удосужилась, пришла,
Наплевала на дела.
Было, было, было, было!
Когда совру — кричи: «На мыло!»
Сочинять мне не резон —
Пусть, короче, будет сон.

.....
В этом чудном, славном сне
Дело было по весне.
На окраине деревни,
По приметам внешним — гревней,
Где история хранит
Славы канувшей зенит —
Память о годах минувших —
В дне сегодняшнем ненужный,
Проржавевший зерноток.
(Есть тут хоть один знаток?)
Снег давно уже растаял,
Облупилась краска ставень,
Облетела шелухой,
Песню спев за упокой
Дому ветхому из брёвен.
Если скажешь, что он скромн,
То, считай, не говорил.
Прапрапрадед Гавриил,
Народившийся, с пелёнок,
Доживал здесь век с Матрёной,
Ставшей верною женой.
Век давно уже иной!
На завалинке у дома,

Ведь в начале — было слово!
Дед его не говорил.
Чем он бабу прогневил?
Безобиднейшее слово!
Безобиднейшее слово,
Что у всех давненько на слуху, —
Повторюсь: «Ку-ка-ре-ку!»
У бабуки злой — вот где досадно! —
Оправдание: «Чтоб неповадно!»
Когда бы фельдшер даму осмотрел —
Облегчил словом дедушки удел:
«Ты потерпи... не обижайся, милый... ладно?
Стара она... неадекватна».
Так разве можно нынче фельдшера найти?
К нему, родимому, три дня пути:
По грязи день, ещё один — по буеракам,
И под конец — денёчек трактом.
Похоже, деда Божья Матерь берегла:
Поблёкший взгляд рукой усталой отвела.

.....
В делах кипит, строгаёт баба Вика,
Идея у неё на днях возникла:
«Бензина нет, и по дешёвке не достать,
А для коня овса немало припасать.
Не проще ли, с утра поевши супу,
За пару-тройку дней построить ступу?»
Рассчитывала — дед ей подсобит.
«А он, как пень, всё на завалинке сидит!
Ведь был когда-то неплохой работник!
По книжке трудовой был даже плотник.
Но говорит: „Предчувствую беду!
Я по дорожке этой скользкой не пойду!“
Сидит! Не окочурится, вражина!
Пусть грязью бы забрызгала машина!
И как с таким бараном дальше жить?
Лишь остаётся кулаком в окно грозить.
Ведь ступа позарез нужна в хозяйстве!
Кто договорит и не замечен в разгильдяйстве,

Всегда найдёт чем ступу загрузить:
На ней возможно сено привозить,
Слетать в лесок соседний за грибами,
Дождь натрясти из туч под небесами...
Поближе к грядкам только надо подтащить.
Со ступой проще... много проще жить!
До магазина можно в пять секунд добраться,
В домашнем быть, не переобуваться!
До фельдшера совсем подать рукой —
Всего лишь час из дома по прямой!
К детям и внукам в город прошвырнуться —
За день, пожалуй, можно обернуться.
Так этот заупрямился баран!
Хоть трезвый — а как будто пьян!» —
Такие мысли в голове у бабы бродят
И выход свой, естественно, находят.

.....
По улице, ещё пустой, деревни
Идёт, шатаясь, покупатель первый —
С позавчерашнего изрядно пьян.
Зовут Иваном... из потомственных крестьян.
А то, что выпил, — был веский повод:
Он оприходовал с дружкой какой-то провод,
А бизнесмен Петров немножко заплатил.
Лишь половину Ванечка пропил.
Дружок устал и отдыхает.
Природа здесь вокруг благоухает,
И воздух свежий без вина пьянит —
Вот Колька надышался и бубнит
Себе под нос полнейший бред,
А пел когда-то клёвый рэп!
Потом утратил зуб в работе —
Так занесло на повороте, —
Нажил проблемы с буквой «рэ»,
И с буквой «ша», и с буквой «пэ».
Текут рекой блатные песни:
Слов не понять, без слов — неинтересны.
Скрипят пружины в унисон...

Шансон...

С лучами первыми и проблеском зари
Ивана разбудили петухи.

Крестьянские проснулись в нём заботы.
Всегда он помнит, «для чего» и «кто ты».
Сейчас торопится, спешит до магазина,
Не видит, где трава, а где грязина,
Но гедга со щеночком лицезрит —
Что он живой и на завалинке сидит,
В ушанке старой,
Глядит устало.

— Здорóво, гед Степан!

— Здоров, Иван! — и в продолжение, как будто пан: —
Ты огород, Иван, намерен подымать? —
И, словно эхо, повторяется: «...мать... мать... мать».
Растает след от нашего Ивана,
С душой горящей... встающего так рано.

.....

Выходят из ворот неспешно,
Хвостами машут и жуют небрежно,
Всем видом однозначно говоря:
Политика бурёнушкам — до фонаря.
Другие, поважнее, есть заботы:
Отёлы, выгулы, деревня, огороды.

И наплевать на мировую кутерьму:
«Здорóво» — «МУ», ответно — «МУ».

Чуть в стороне, гораздо тише,
Чтоб, не дай Бог, кто лишний не услышал
Главнейшие секреты на земле:

«МЕ-Э-Э-Э!» — «БЕ-Э!» — «БЕ-Э-Э!» — «МЕ-Э!»

Глазами встретились, отметились с кем надо,
Пошли на выпас — большое стаго.

Полна житейскими гелами голова.

Как человеческая, слышится молва:

— МУ-У-У, что там, родила соседка Зорька?

— МУ-У, нет пока... через неделю только.

— МУ-У-У-У-У, как же надоело, право, ждaть, МУ!

— Не приведи... МУ-У-У! Ни ждaть, ни догонять, МУ.

Ты МУ-У-У-У-Ужика еёйного видала?
Надысь гулял... с другой у сеновала.
— МУ-У-Урло!!.. и негалёкого ума!
— МУ-У, насмешила... Ха-ха-МУ-У-У-ха.

Идиллию подруг нарушив,
Подходит бык, в серьгах все уши,
В татуировках, будто бы сигел,
Известный всем в деревне бракодел.
Болтун такой, каких не сыщешь!
За ночь берёт не меньше тыщи,
А дел не сделает и на пятьсот.
Лишь треплет, не закроет рот.
Сам весь лоснится, столько форса!
Привык по жизни плыть альфонсом.
— МУ-У-Ужайтесь, тёлки!
Не видеть больше света нам в светёлке!
Нежданная нагрянула беда:
Какой-то гад недавно срезал провода!
Донельзя эти воры обнаглели!
Поймал бы — придавил рогами к ели!
Ведь эти сволочи, поганые скоты,
Дождавшись непроглядной темноты,
Стащили даже с клуба трансформатор!
Их энергетики в сердцах покрыли матом,
Пожалуй что в четыре этажа.
Ещё кричали: «Режут без ножа!»
Вот облажались!
Всё сокрушались,
Как обычно: «...мать... мать... мать!..
И где теперь всё это доставать?!»
У них, кричали, в кассе нету денег,
А на починку дали только день им.
Чего так было попусту орать?
Поуспокоились... уехали искать.

Одна — из тех, что побойчей, — Матильда-тёлка,
Встряхнув жеманно глинной чёлкой,

Состроила красавчику глаза —
В них отразилась небосвода бирюза:
— Теперь понятно, почему вчера, без света,
Хозяйка притащилась с сигаретой,
Подойником рассерженно гремя.
Ведь некурящая! Чего трепать зазря?!
Впотьмах обмыла нежно вымя.
Блаже-е-е-енственно! Я даже чуть завыла.
МУ-У-Урашки побежали по спине.
Интимно так!!.. Как в западном кине.

Ползёт уверенно к зениту солнце,
Звучит литаврой голос старого альфонса,
То бьётся барабанно в вышине,
То ручейком струится в тишине:
— **М-У-У-У**, как ты легкомысленна, девица!
Тебе, как курице голодной, просо снится!
А нет бы постоять, поговорить...
— Дак я ж согласна!.. кабы не платить.
— Опять про деньги!.. Ну и дуры эти бабы!
Одно в коровьей голове! Всё остальное — абы кабы!
Что значит — недогадено ума.
Зато потребностями полнится сума.
Всё, что сказал, держите за зубами!
Остаться всё должно промежду нами.
Базар цедите, не болтайте нико**МУ-У!**
А то отправитесь... за мной на Колы**МУ!**

И снова: «**МУ-У!**» —
Отвечно: «**МУ-У-У!**»
С мычанием прошло большое стаго.
Глазами проводил... работать надо.
Такой несведущий — смотрю и не пойму,
Как много может значить слово «**МУ**».